

С того самого дня Линь Се больше не появлялся. Поначалу Шэнь Цюэ каждую ночь дрожал от страха, ворочаясь в постели и не смыкая глаз, но со временем, видя, что тот всё не приходит, невольно начал тешить себя призрачной надеждой.

Смертники живут в тени, скрывая свои имена, и вечно берутся за самую грязную работу. Каждый их выход — это хождение по лезвию ножа, где шансы на выживание ничтожно малы.

А вдруг... вдруг он погиб в какой-нибудь переделке?

Шэнь Цюэ впервые в жизни так отчаянно желал кому-то скорой смерти.

Увы, судьба распорядилась иначе. В эту ночь тот, кого он меньше всего хотел видеть, всё же явился.

Когда Линь Се прибыл, Шэнь Цюэ сидел при свете нескольких огарков свечей, дошивая маленькую стёганую куртку для ребёнка. Он всегда жил экономно: если одежда или одеяла рвались, он латал их и продолжал пользоваться. Но одно дело — чинить старое, и совсем другое — сшить вещь с нуля. Только взявшись за дело, он понял, сколько сил и терпения это требует. Шэнь Цюэ урывками трудился несколько дней, прежде чем куртка наконец обрела форму.

Линь Се не издал ни звука. Он просто прислонился к внешней стороне окна и молча наблюдал за ним.

Неизвестно, был ли его взгляд слишком жгучим, или же дело в чём-то ином, но не успел он простоять там и минуты, как человек в комнате обернулся. Их взгляды встретились. Шэнь Цюэ вздрогнул, и серебряная игла случайно проколола палец.

На коже выступила капля крови, но Шэнь Цюэ даже не стал её вытирать — он поспешно отбросил почти готовую куртку и бросился к окну, чтобы закрыть его.

Шэнь Цюэ был на грани безумия. Словно разъярённый бык, он рванулся вперёд и с размаху ударил головой Линь Се прямо в грудь. Он больше не хотел слушать его речи — из уст этого сумасшедшего лились одни лишь непристойности!

Взгляд, которым он буравил гостя, был чёрным, как тушь. Линь Се невольно вспомнил чёрный виноград, что зреет на бамбуковых шпалерах в разгар лета, или того пушистого зверька в усадьбе наставника Тая. Даже когда Шэнь Цюэ пытался злиться, в его глазах читалась лишь лёгкая досада, которая никого не могла напугать.

Шэнь Цюэ, казалось, был смертельно напуган. Он изо всех сил вырвал руку, отпрянул назад и, с искажённым от муки лицом, начал быстро показывать знаками:

— Я такой же мужчина, как и ты!

— Ничтожное создание! — услышал он в ответ.

Линь Се слегка наклонился и поднял куртку, которую тот только что бросил на стол. Ткань была из простого шёлка, швы — ровные, вышивка — искусная.

— Ты и шить умеешь?

Деревянная кровать жалобно скрипнула, и занавески на каркасе покачнулись.

Линь Се не удержался и потянулся к его лицу. Шэнь Цюэ инстинктивно прикрыл глаз, и Линь Се с усмешкой провёл большим пальцем по его ресницам.

Едва окно было заперто, как снаружи кто-то поддел дверной засов. Раздался щелчок — засов упал на пол, и в комнату проскользнула фигура в тёмно-зелёном халате с круглым воротом, принеся с собой холод ночного воздуха.

Шэнь Цюэ, прижавшись спиной к только что закрытому окну, помедлил, обдумывая ответ, а затем с трудом поднял руки:

— Оставь меня в покое. Всё, что не касается Его Высочества и... и тех дел... я исполню всё, что ты скажешь.

Линь Се не ожидал, что тот внезапно бросится на него, и уж тем более не ждал удара головой. Он качнулся в сторону, но увернуться полностью не успел — удар пришёлся в бок.

Одной рукой Линь Се вцепился в тонкую верхнюю одежду Шэнь Цюэ, а другой несильно, но властно сжал его горло, пригвоздив к каркасу кровати. Это не было попыткой убить — Шэнь Цюэ мог дышать, но чувствовал лишь жгучий стыд.

Живот — самое уязвимое место, и Линь Се от боли едва не перехватило дыхание. Когда острая боль утихла, лицо его помрачнело.

Он ведь всё видел и прекрасно понял, что тот хотел сказать, но намеренно притворился, будто в темноте ничего не разглядел. Он заманил его к себе лишь для того, чтобы унижить, подойдя вплотную.

Линь Се смотрел на него с усмешкой.

Лицо Шэнь Цюэ вспыхнуло. Он гневно и отчаянно сверкнул глазами на обидчика. Обычно он был человеком совершенно беззлобным, но стоило ему встретить Линь Се, как внутри начинал разгораться пожар ярости, готовый сжечь его дотла.

— Если будешь так на меня смотреть, — внезапно произнёс Линь Се, — я возбужусь.

Шэнь Цюэ медленно подошёл ближе, его фигура полностью погрузилась в свет свечей. Он снова хотел поднять руки, но Линь Се внезапно перехватил его ладони, переплетя пальцы со своими.

Он усмехнулся, копируя выражение лица Шэнь Цюэ:

— Те... те дела... это какие? Я не понимаю. Расскажи мне, а?

Он нарочно делал вид, что не видит его жестов, и, глядя на то, как Шэнь Цюэ застыл в нерешительности, снова рассмеялся:

— Ты стоишь в тени, я даже лица твоего не вижу, не говоря уже о руках. Ты что, принимаешь меня за ночную кошку?

— Ну и что с того? — Линь Се шаг за шагом приближался к нему. — Я люблю персики, а не нефриты. К тому же, где это видано, чтобы мужчина был таким, как ты? Как у мужчины там могут расти два...

В тусклом пламени свечей он посмотрел на Шэнь Цюэ и с вульгарной улыбкой добавил:

— Знал, что я могу прийти в любой момент, так зачем же запирал дверь?

Шэнь Цюэ слегка закинул голову, сердце его бешено колотилось от страха: он боялся, что маленький слуга, живущий в задней комнате, услышит шум.

Преодолевая удушье, Шэнь Цюэ поспешно прошептал:

— Там в задней комнате человек! Если он услышит...

— Ну и пусть слышит, — холодно усмехнулся Линь Се. — Я человек одинокий, кто знает, в какой день я сгину на этой службе. Если утащу тебя с собой в преисподнюю, это будет не такая уж большая потеря.

Шэнь Цюэ чувствовал, как пальцы Линь Се сжимаются всё сильнее, перекрывая доступ воздуха. Лицо его наливалось кровью, но Линь Се не собирался отступать.

— Мои требования невелики, — спокойно сказал Линь Се. — Всего три: во-первых, больше никаких драк. Во-вторых, отвечать на всё, что я спрошу, без всяких гримас. В-третьих, делать всё, что я прикажу, не смея сказать нет.

Он придавил его ноги и кончиками пальцев провёл по подбородку:

— Если разозлишь меня, я разболтаю всем твою тайну. Заставлю их сорвать с тебя штаны, чтобы каждый в этой усадьбе увидел твоё увечное тело!

Даже произнося столь жестокие слова, он выглядел совершенно беззаботным, но в его глазах сквозило такое безумие и свирепость, что невозможно было не поверить: он сделает всё, что обещал.

Линь Се был опасным человеком — мольбы и сопротивление были бесполезны.

— Не нужно так на меня смотреть, — Линь Се медленно разжал пальцы. Он смотрел, как Шэнь Цюэ, прижатый к спинке кровати, сползает вниз и в изнеможении падает на пол, тяжело дыша.

Линь Се был высокого роста — даже стоя прямо, он был на полголовы выше Шэнь Цюэ. В свете свечи он опустил взгляд, и в его зрачках отразилось оранжевое пламя. Глядя сверху вниз на макушку Шэнь Цюэ, он произнёс:

— У тебя есть тайна, которую нельзя показывать свету, а я — смертник, обречённый жить в тени. К тому же я хорош собой — вполне достойная пара для тебя.

Шэнь Цюэ постепенно приходил в себя, но голову не поднимал.

Они виделись всего трижды, но лицо Линь Се уже глубоко врезалось в память Шэнь Цюэ, вызывая лишь жгучую ненависть при одном воспоминании о нём.

Услышав слова Линь Се, он не мог думать ни о чём другом, кроме того, насколько же этот человек бесстыден. Внешность самая обычная, ни капли благородства, так как он смеет называть себя красавцем?

В глазах Шэнь Цюэ он не шёл ни в какое сравнение с Его Высочеством — и одной десятитысячной доли его стати, и одной тысячной доли его обаяния в нём не было.

Нет, он даже близко не достоин стоять рядом с его господином!

— Ну вот и ладно, — Линь Се, выпустив пар, снова пребывал в хорошем настроении. Он снизошёл до того, чтобы наклониться и помочь Шэнь Цюэ подняться с пола. — На полу холодно, а ты одет так легко. Если простудишься, я буду очень огорчён.

Он словно стал другим человеком: усадил его на край кровати и велел сидеть.

Красные следы от его пальцев на шее ещё не сошли, а угрозы всё ещё звучали в ушах. У Шэнь Цюэ по спине катился пот, он боялся присесть и застыл, словно деревянный истукан.

— Я сказал лишнего, — прошептал Линь Се, и в его голосе не было ни намёка на утешение. — Не принимай это близко к сердцу.

У Шэнь Цюэ по коже побежали мурашки. Какой же сумасшедший.

Линь Се с усмешкой повалился на кровать, свесив ноги, и повелительно бросил:

— Я устал. Сними с меня сапоги.

Шэнь Цюэ замер, но, вспомнив недавние угрозы, нехотя подошёл и стянул с него обувь.

Линь Се откинулся на подушку и, заметив брошенную на пол куртку, словно что-то вспомнив, спросил:

— Для кого эта одежда?

Шэнь Цюэ не осмелился промолчать и показал знаками:

— Для маленького слуги, Юаньчжи.

В театральных труппах дают простые имена. Таких мальчишек, как этот, у которых нет наставника, взрослые часто зовут как попало — собачками да яичками. Когда Шэнь Цюэ спрашивал, мальчик сказал, что Сысянь обычно зовёт его Динсян-эр.

Шэнь Цюэ нахмурился. Такой мальчишка — и с таким женственным именем. Он хотел дать ему новое, но сам был неграмотен, в книгах не смыслил, стихов не знал. Долго ломал голову, пока не придумал имя Юаньчжи.

— Ты и вправду растишь его как родного сына, — холодно заметил Линь Се. — Семь-восемь лет, да ещё вышел из театрального притона, наверняка уже впитал в себя все их грязные привычки. Что из него может вырасти?

У Шэнь Цюэ сердце ушло в пятки. Этот человек так хорошо осведомлён о прошлом Юаньчжи — наверняка он следит за ним день и ночь.

Как он мог быть таким глупым и надеяться, что Линь Се больше никогда не придёт?

Вдруг Линь Се похлопал по месту рядом с собой и приказал:

— Залезай.

Шэнь Цюэ не двинулся с места.

— Нехорошо, если я один буду занимать твою кровать, — усмехнулся Линь Се. — Ты забыл? Я очень добрый и благородный человек. Если ты будешь стоять, я разозлюсь.

Что будет, если он разозлится, Линь Се не уточнил. У Шэнь Цюэ не было выбора. Он снял обувь и сел рядом.

— Ложись, — снова приказал Линь Се.

Шэнь Цюэ тихо вздохнул и послушно лёг. Он сжался в комок, повернулся к Линь Се спиной, и вся его поза кричала о настороженности.

Линь Се, казалось, был недоволен. Он перевернулся и обнял его за талию:

— Почему не хочешь повернуться ко мне лицом?

Шэнь Цюэ не стал спорить. Линь Се тоже не стал давить — даже кролик, загнанный в угол, кусается. Ночь длинна, завтра выходной, спешить некуда.

Однако ладонь, лежащая на талии Шэнь Цюэ, вела себя беспокойно. Она, словно змея, скользила по его телу, пробираясь под тонкую одежду.

Всё было так же, как в ту ночь: на теле Шэнь Цюэ почти не было лишнего жира, лишь тонкий слой мышц. Они не были твёрдыми, на ощупь — мягкие.

Уши Шэнь Цюэ покраснели. Он перехватил его блуждающую руку и попытался отстраниться.

Линь Се с силой притянул его обратно, прижал к себе и, уткнувшись носом в его шею, вдохнул аромат и прошептал:

— Чем ты надушил одежду?

Шэнь Цюэ опешил. Он почти не пользовался благовониями, не мазался маслами, а ароматный мешочек на поясе купил лишь потому, что Шэнь Ло постоянно упрекал его в излишней простоте.

Он действительно отличался от других мужчин: даже во время тренировок летом он почти не потел, и от него никогда не исходило резкого запаха.

— Похоже на мускус, — Линь Се снова потянул носом. — И немного отдаёт лекарствами.

У Линь Се был чуткий нюх. Шэнь Цюэ, из-за двух длинных гвоздей, вбитых в плечевые кости в тюрьме, в снежные ночи всегда чувствовал острую боль, будто от уколов игл. Боль была не смертельной, но выматывающей.

Ши И, узнав об этом, приносил ему отвары, чтобы согреть тело и вывести холод, тогда боль

немного утихала.

Линь Се, похоже, пришёлся по душе этот запах. Его дыхание щекотало шею Шэнь Цюэ, вызывая странную дрожь.

До последнего момента Шэнь Цюэ наивно полагал, что всё этим и ограничится.

Он считал, что у него неприметное лицо, рост чуть выше обычного, но не выдающийся. Он не знал грамоты, не умел играть на инструментах, к тому же был немым и имел такое уродливое тело.

В его представлении, если кто-то и мог зариться на него, то точно не на это тело.

Но тот, кто обнимал его со спины, казался неприхотливым. Шэнь Цюэ услышал, как его дыхание становится всё тяжелее, а затем что-то... коснулось его.

<http://bllate.org/book/19999/1972167>